По вере. А. П. Петров

Будучи пресвитером в общине баптистов, в «Доме Евангелия», в Петрограде, в 1923 году, я случайно натолкнулся на книгу на русском языке, в которой было дано жизнеописание великого

мужа веры Георга Мюллера из Бристоля.

Эта книга произвела решающий переворот в моей жизни. У меня стали расти крылья. Я возжаждал проявить дело веры среди моего русского народа.

Ходя по улицам Петрограда, теперешнего несчастного Ленинграда, я часто встречал детей: голодных, оборванных, а иногда почти нагих. Это были беспризорные дети большевистского режима, как результат страшной Российской революции. Таких детей было бесконечное множество.

Беспризорные дети жили в подвалах, в разрушенных домах, в землянках и всюду, где только могли приткнуться на ночлег. Большинство беспризорных были сироты — без отца, без матери. Родители их умерли с голоду или были расстреляны коммунистами. Среди этих детей развились всякие пороки: пьянство, картёжная игра, грабежи, воровство и всякая нечистота.

Советская власть не принимала никаких мер борьбы с этим явлением. Городская милиция иногда боялась беспризорников. Они действовали скопом — дружно и энергично; были на всё готовы, чтобы защитить своих товарищей. Часто ловили их по одиночке, но в милиции их не держали, а сразу же выпускали на свободу, потому что товарищи угрожали всем, кто арестует беспризорника, — нападением и убийством. И не раз беспризорники приводили свои угрозы в исполнение.

В рядах беспризорников были дети от самого малого возраста до возмужалых парней. Для вновь вступающих в ряды беспризорников установился, своего рода, ритуал посвящения. Новичку вычитывали правила шайки, требовали клятвы на верность и брали целый ряд обещаний. У беспризорников всё было общее.

Они были грозой для запоздалых пешеходов. Люди многократно подвергались по вечерам в темных улицах ограблению беспризорниками. Беспризорники обкрадывали квартиры. Несчастными участниками этих шаек были не только мальчики, но и девочки, девицы и даже женщины.

Сердце моё сжималось от боли, когда я смотрел на беспризорников. И созрела у меня мысль: умолять Отца сирот дать средства, чтобы приютить хоть часть этих бедных детей. Я начал молиться Господу с верой, на какую я был только способен; часто беседовал с моими братьями в общине, по вопросу учреждения приюта для сирот. Верующие сочувственно относились к этому благому делу. Мы сделали план дома, рассчитав его на несколько сот детей; но средств не было.

Время шло. Мы ждали. Вера моя росла, хотя денег и не поступало. Видимо, не было Богу угодно, чтобы мои мечты о призрении детей осуществились в то время в Петрограде.

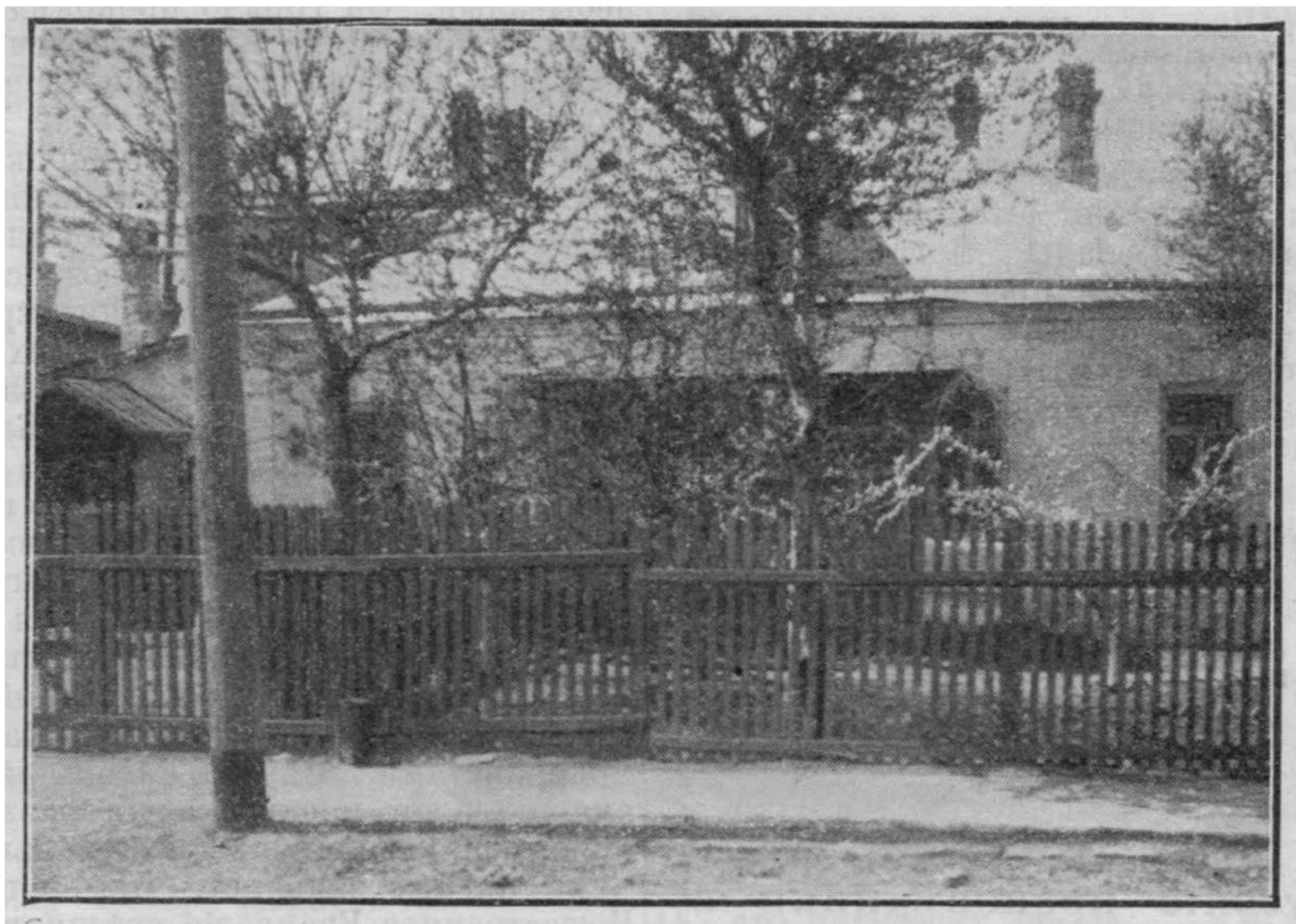
В 1927 году я был большевиками арестован и приговорён на три года в Соловецкий концлагерь. Планы мои насчёт детей совершенно разрушились. А идея всё-таки не умерла. Отбыл я в Соловках назначенные мне три с половиной года. После того советская власть снова меня приговорила на три года ссылки на Север, в Архангельскую губернию. Почти год я пробыл в ссылке ещё. Затем Бог положил мне на сердце бежать за границу. Задача была тяжёлая — чтобы прорваться через железную цепь различной советской охраны. К тому же ещё и денег-то у меня не было. Но Бог всё предусмотрел. Дал Он средства и открыл для меня свободный путь, чтобы

вырваться из места пыток. Под защитой Всемогущего Бога, я благополучно миновал все опасные пункты и добрался до границы. Границу перешёл я тоже удачно, и 1 ноября 1931 года, наконец, я прибыл в город Харбин. Тут присоединился к общине баптистов, моих братьев по вере во Христа. Стал я посильно трудиться духовно в этой общине.

Проходя по улицам города Харбина, я опять стал встречать детей, просящих кусок хлеба. Здесь были дети-нищие — русских беженцев, погибших в пути, а также нищенствовали дети китайцев. Снова воскресла у меня мысль об устройстве детского приюта. Долго думал, как бы мне начать это дело: то ли взяться за приют одному, или предпринять это дело с местными братьями-проповедниками. Но как начать было дело одному, когда меня почти никто не знал в Маньчжурии? В общине я был рядовым членом. А просить помощи у знакомых братьев и организаций за границей я не решался. Мне хотелось, чтобы дело приюта зависело только от Отца Небесного — Отца сирот, Самого Милосердного Господа.

В конце концов, я решился поделиться моими мыслями с пресвитером общины баптистов в Харбине Иваном Захаровичем Осиповым и пригласить его участвовать в деле приюта. Из беседы выяснилось, что И. З. Осипов тоже имеет желание открыть детский приют, для чего он имел уже часть средств. И. З. Осипов сочувственно отнёсся к моему намерению; но он не счёл возможным совместить его сотрудничество со мной, так как он зависим был от Шведско-Американского Союза Баптистов. И. З. Осипов остерегался осложнений. Мы сердечно молились у него в кабинете о деле приюта. Затем я побеседовал о приюте с другим духовным работником. Он душевно симпатизировал мне и желал открытия детского приюта в Харбине.

После этих бесед, я остался всё-таки один. Молитва и вера двигали меня дальше. Я шёл вперёд шаг за шагом. Позднее познакомился с серьёзным молодым верующим Владимиром Даниловичем Стреляевым. Он занимался врачебной практикой, и у него тоже были планы служения бедному народу. Он решил открыть бесплатную больницу для бедных; дело его было уже начато, но потом ему пришлось больницу ликвидировать, потому что местная власть не разрешила ему иметь больницу по одной лишь причине, что он не имел врачебного диплома для практики на Дальнем Востоке; к тому же все местные врачи восстали против начинания В. Д. Стреляева; они не хотели допустить конкуренции. В. Д. Стреляев потратил порядочно средств на свою больницу и аптеку, но вынужден был их закрыть.

Фотография: *В ХАРБИНЕ, МАНЬЧЖУРИЯ. Русский христианский детский приют „ВЕФИЛЬ“, основанный А. П. Петровым. IN HARBIN, MANCHURIA.* Russian Children's Orphanage „BETHEL“ Recently Founded by Rev. A. P. Petroff who had to pray a year before the first donation came.

Насчёт приюта, я сошёлся близко с В. Д. Стреляевым. Мы хорошо поняли друг друга и решили образовать небольшую группу верующих, сочувствующих делу приюта и могущих уповать на помощь Бога. Первое наше молитвенное собрание состоялось в начале 1932 года в квартире В. Д. Стреляева. В собрании были: Иван Матвеевич Тихий-Тищенко, его жена Елизавета Васильевна, Ермолай Васильевич Щеголев и его жена Екатерина Степановна, Эдуард Эрнестович Бергман, В. Д. Стреляев и я. Хорошее число нас было семь! Я изложил суть дела, и мы начали молиться. Просили у Бога средств на приют. Мы решили никогда не обращаться к людям с просьбами о помощи, заключив, что воля Божья для открытия приюта выразится в том, что Он даст нам средства. Мы молились еженедельно. Собрания были открыты для членов общины. Наше дело явное. Наши молитвенные собрания стали наполняться верующими, но иной раз бывало и только по два-три человека. Я же всегда посещал собрания. Мы читали каждый раз главу из Библии, беседовали о прочитанном. Много молились. Были и такие верующие, что не понимали цели наших собраний. А иные говорили: «Из этого ничего не выйдет! Петров был в Соловках; там ему закрутили голову, и теперь он делает сам не понимает — что». Такие замечания нас не смущали, и мы продолжали молиться. На дело серьёзно смотрело человек шесть, веря в осуществление задачи.

Весной В. Д. Стреляев уехал с группой немецких беженцев в Бразилию. Мы начали тогда собираться на квартире у Е. В. Щеголева. Не было ответа на наши молитвы; а вера крепла.

Средств на приют мы не получали. Целый год молились, и все не было ответа. Некоторые друзья усомнились и перестали посещать наши молитвенные собрания.

Потом я организовал вторую группу в Саманном Городке для беседы и молитвы о приюте. Сначала посещающих было порядочно, а потом дошло до того, что в иные вечера я молился только с одним пришедшим братом.

В общине меня спрашивали: «Но как дело с приютом?» Я отвечал: «Приют будет; а когда Бог пошлёт деньги — того я не знаю; ещё не пришёл час; в своё время Бог устранит все преграды и дело это начнёт». Молился я много и один.

Наступил 1933 год. Прошёл январь, февраль. Ни одной копейки на приют ниоткуда не поступало.

14 марта 1933 года я получил ценное письмо из Южной Америки. В нем было два американских доллара — для нашего детского приюта. Получил я за них местными деньгами 9 юаней 60 феней. Я счел это основанием для начала приюта и благодарил Бога за эту жертву. На первом молитвенном собрании я объявил верующим о поступившей сумме. Все радовались и благодарили Бога. На следующий день мы назначили пост с молитвой.

16 марта 1933 г. я получил от одного приезжего брата 5 японских иен — тоже для приюта; а 19 марта 1933 г. поступило еще 3 юаня 44 феня от одного верующего. Мы ободрились. С того времени стали поступать пожертвования ежемесячно, но малыми суммами. Касса приюта росла. Приют не был открыт, но жертвователи доверяли нам их лепты.

Один верующий, будучи бедным, все же хотел помогать на дело приюта. Однажды, после молитв, он заявил нам, что имеет побуждение отделять десятую часть доходов его на дело приюта. Это всех тронуло. Когда он так решал, то был без работы. Вскоре нашел работу, по силам его, на жалованье в 100 юаней в месяц. Этот брат выполняет свое обещание, и он высылает приюту каждый месяц 10 юаней. Он сам тоже материально поправился. Другой верующий решил отделять нам из своих заработков 5%. Его также Бог благословил.

Ещё один верующий, после бесед и молитв, обещал пожертвование для приюта. Суммы не назвал. Он ожидал получение с железной дороги 600 юаней. Деньги он получил полностью. Но забыл про своё обещание нашему приюту. Немного спустя, приходит ко мне этот брат и... просит у меня взаймы денег на несколько дней. Я напомнил ему, что ведь он же получил большую сумму с железной дороги. Признался мне бедняга: какой-то человек, оказалось, подвернулся ему; обманул его, и полученные деньги все пропали.

До 1 сентября 1934 г. к нам поступило денег всего 376 юаней 96 феней. Решил я тогда, что — время начать дело приюта. Нашли мы подходящее помещение на Скобелевской улице, дом 30 в Модягоу. Сняли мы особняк в 7 комнат с кухней. Весь дом стоил в месяц 80 юаней. Договорились с хозяином. Уплатил я за месяц вперёд, и мы въехали.

Приют мы начали с малого. Пригласил я старцев — Ивана Матвеевича и жену его Елизавету Васильевну, чтобы они переехали в наш дом и помогали бы нам в труде. Согласились. Бабушка варила еду, а дедушка качал воду, топил печи и делал другую работу.

С первого же дня мы взяли троих детей со станции Хандаохедзе от Марш Абрамовны Абрамовой.

Вскоре к нам поступили другие просьбы о принятии детей. Мы приняли двух мальчиков Оленниковых. Некоторые дети ходили в гимназию, а другие оставались дома. Пригласили мы тогда Валентину Александровну Попову заниматься с детьми в приюте и ухаживать за ними. Потом мы взяли ещё двоих детей — мальчика Виктора и девочку Веру. Двое детей Волковых пришли к нам. Брали мы и других детей. Троих детей вернули обратно матерям, ибо не по силам нам было — перевоспитать этих детей.

В последнее время, со служащими, в приюте находилось уже 31 человек. Многие просят нас взять их детей. Все просьбы удовлетворить мы не можем. Тесно в доме. Подыскиваем другое помещение. Верим, что Бог даст нам средства и на более просторное помещение. Мы молимся, чтобы Отец сирот, Господь Бог, милостиво дал нам возможность построить свой дом на 400 детей. Для такого дома нужно будет иметь 500,000 юаней или 160,000 американских долларов.

Некоторое время тому назад один пастор китайской церкви методистов сообщил мне, что один из его знакомых решил пожертвовать нам участок земли для приюта. Мы с радостью благодарили Бога и верим — Он и дальше пошлёт нам средства.

Приют наш уже фактически действовал, а разрешения от властей мы ещё не имели. Хотел написать я прошение Начальнику Департамента Полиции о разрешении. Писать нужно было по-китайски. Я обратился к лютеранскому пастору Кастлеру, владеющему китайским, — за помощью. Он посоветовал мне подождать с прошением. Ему хотелось прежде доложить о приюте нашем на их миссионерском собрании. Миссионерское собрание состоялось 1 октября 1934 г. В нем участвовали разные протестантские исповедания и баптисты также. Собрание состоялось в помещении русских молокан, в Сунгарийском городке. Присутствовали китайские миссионеры: методисты, баптисты, русские молокане, доктор богословия Деминг, миссионер среди харбинских корейцев пастор Бекер из Канады, пастор Кастлер из лютеранской церкви, русские методисты и другие. Я сделал краткий доклад о начале приюта по вере. Задали мне вопросы. Все заинтересовались. В этот же вечер избрали специальный комитет из пяти человек, для забот о нашем приюте. В комитет вошли: пастор Кастлер, доктор Деминг, японский пастор, китайский пастор методистов Цанг Х. И. и господин Д. Б. Соил.

Комитет обследовал дом на месте. Следующему миссионерскому собранию доложили результаты. Комитет решил помочь зарегистрировать приют у властей.

Я просил Комитет оставить приюту принцип зависимости от Божьего попечения. Комитет согласился, и он является в приюте только совещательным органом. Я состою заведующим и ответственным за финансы.

Мы выработали устав приюта. Комитет дал мне рекомендательное письмо к начальнику Департамента Полиции. Прислали полицейских чиновников осмотреть приют. В конце 1934 года начальник полиции известил меня, что делом приюта он заинтересован и желал нам успеха, но выдать разрешение на приют не может. Дело наше направили в министерство.

Из министерства тоже прислали чиновника. Спрашивает меня: «На какие же средства будет существовать приют?» Я ответил, что фонда мы не имеем, и что со всеми текущими нуждами мы обращаемся к Богу, Отцу сирот. Такого объяснения чиновник не понял. Он пожимал только плечами.

Значительное время прошло. Получаю министерское извещение: «Ввиду того, что ваше дело приюта находится в очень малом размере и без основного капитала, разрешение вам выдано быть не может. А когда приют развернется, и будет больше детей, тогда разрешим». Слава Богу и за это! Значит, приют-то можно пока развивать до нужных размеров...

Когда эта повесть заканчивается, приют существует уже год. Бог давал все потребное. Средства поступали из Южной и Северной Америки, из Англии, из Германии, из Швейцарии, из Польши, а также из Китая. Были и местные пожертвования.

Возвращаясь к прошлому, вспоминаю второй месяц существования приюта. Я испытал тогда сомнение. Почувствовал себя больным. Мне представилась картина позора и бесчестья имени Божьего, если не устою в вере. Приют открыт, а вдруг средств не будет! Долго я боролся. Недуг мой и физический был силен. Поколебался я в вере. Не было твердой почвы, чтобы остановиться в быстром полете тревожного воображения. К тому же я знал, что некоторые с самого начала не верили в прочность нашего начинания. Мне чудились насмешки и кивки голов. Три дня терзался. Сила молитвы рассыпалась будто песочная веревка. Я уж просил у Бога смерти, лишь бы только не посрамилось дело веры через слабость моего упования. При высокой температуре, я, по неосторожности, принял ванну, и оттого болезнь моя ещё больше осложнилась. Чуть не вырвалось у меня сердце. Лежал я и думал, что минуты жизни моей сочтены. Жена плакала, а я её всё же утешал надеждой. С Богом душа моя имела мир.

Жить мне хотелось, чтобы послужить больше ближним. Тогда мне особенно открылась ценность и красота жизни, если она посвящена ближним. Люди так мало знают смысл жизни, свою полезность и свою роль в краткие земные дни. В вечности будет пожато с прибылью всё, что сеем доброго на земле.

Болезнь моя послужила мне на благо. Бог продлил мою жизнь. Здоровье стало восстанавливаться, хотя сердце оставалось всё еще не в порядке.

Сомнение моё исчезло. Вера вновь окрылила душу. Господь потом посылал всё нужное. Мы дожили до 1-го сентября 1935 года. Были трудные минуты.

Иногда не было на завтра ни хлеба, ни денег. Но Бог не оставил нас постыженными. Дети все время были сыты и одеты. И служащие получали жалованье своевременно.

Вот краткая отчетность за год с 1 сентября 1934 года по 1 сентября 1935 года. Добровольных пожертвований было — 2805.46 юаней. Израсходовали мы — 2803.66 юаней.

Я верю, что дело нашего приюта окрепнет и разовьётся. Отец Небесный не может его оставить. Дети воспитываются в чисто христианском духе, и уже два мальчика в воскресной школе заявили своё добровольное желание отдать сердце и жизнь Спасителю, Господу Иисусу. Наша цель — не только дать детям пропитание, кров и одежду, но также и помочь им духовно — стать людьми сознательно верующими, чадами Отца Небесного и Царствия Божьего.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ: Если бы какие добрые христиане-читатели, корреспондируя с нами, захотели бы одновременно, пользуясь случаем, написать или пожертвовать что-либо на вышеописанный приют Алексею Петровичу Петрову, автору статьи «По Вере», — то «Верность»

всегда была бы рада переслать ему всякую корреспонденцию и всякий дар.

Манджурия

Журнал «Верность» № 1-3, 1936 год, страницы с 19 по 22

Комментарии
